

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16–18 ИЮНЯ 2011

**ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И
БЕЗОПАСНОСТЬ В ВЕК ИНТЕРНЕТА**

Технологии, расширяющие горизонты

18 июня 2011 г. — 10:00–11:15, Павильон 4, Зал 4.1, Арена

Санкт-Петербург, Россия

2011

Рост диапазона частот, развитие социальных сетей, возникновение технологий облачных вычислений и появление все более мощных мобильных электронных устройств — вот лишь некоторые из новых тенденций, ведущих к революции в области электронных данных и СМИ. Однако переход к глобальному информационному обществу создал новые проблемы для владельцев интеллектуальной собственности во всем мире.

Модератор:

Игорь Дроздов, Директор по правовым вопросам, Фонд «Сколково»

Выступающие:

Эрик Голдман, Профессор, Правовая школа, Университет Санта-Клары

Питер Дженнер, Продюсер, музыкальный менеджер, экс-менеджер Pink Floyd и The Clash, приглашенный профессор по музыкальной культуре и экономике индустрии развлечений

Бенуа Жинисти, Генеральный директор, Международная федерация обществ кинопродюсеров

Иван Засурский, Заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики, МГУ

Андрей Логинов, Полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Государственной Думе

Кевин Лори, Президент, Sony Music в Европе и Африке

Юрий Любимов, Заместитель министра юстиции Российской Федерации

Пол Люсье, Управляющий директор по России и Европе, Research In Motion

Александр Маслов, Статс-секретарь — заместитель Министра Связи и Массовых Коммуникаций Российской Федерации

Оливер Метцгер, Главный советник по защите авторских прав продуктов компании, Google Inc.

Светлана Миронюк, Главный редактор, «РИА Новости»

Тим Реннер, Генеральный директор, Motor Entertainment GmbH

Томас Рубин, Главный консультант по вопросам авторских прав, Microsoft Corporation

Мириам Сапиро, Заместитель торгового представителя США

Артемий Троицкий, Российский рок-журналист, музыкальный критик

Екатерина Чуковская, Статс-секретарь — заместитель Министра Культуры Российской Федерации

И. Дроздов:

Уважаемые коллеги, я думаю, мы можем начать нашу секцию. Она сегодня будет посвящена, как вы знаете, развитию законодательства, регулирующего отношения в сети Интернет. Мы планируем поговорить о том, нужны ли какие-то изменения в этой сфере, требуется ли какое-то специальное регулирование для сети Интернет или мы с вами можем использовать традиционные, уже привычные нам правила авторского права. Я надеюсь, что сегодня у нас будет живая дискуссия. Я знаю, что многие из вас придерживаются противоположных точек зрения по данному вопросу, и будет интересно их послушать. К сожалению, у каждого из вас не так много времени для выступления. Я надеюсь, мы будем строго придерживаться регламента, чтобы вовремя закончить. Я представлю каждого из участников Круглого стола перед тем, как буду давать ему слово.

Пока представляюсь сам. Я директор по правовым вопросам Фонда «Сколково», зовут меня Игорь Дроздов. Я думаю, мы начнем сегодняшнюю дискуссию с выступления заместителя Торгового представителя США, Мириам Сапиро. Мириам, Вам слово. Я думаю, Вы зададите нашей дискуссии определенный тон.

М. Сапиро:

Большое спасибо, Игорь. Мне очень приятно присутствовать в этом году на Петербургском международном экономическом форуме вместе со всеми вами. Главная тема, которую мы сегодня обсуждаем, очень своевременна: как скорость развития технологий влияет на нашу способность защищать интеллектуальную собственность. Меня попросили сделать обзор ситуации, чтобы мы могли начать, а далее, я надеюсь, последует очень интересная дискуссия.

Однако прежде чем начать, я хотела бы кратко затронуть тему, о которой вы, возможно, много слышали в последние несколько дней. Это тема вступления России в ВТО. Здесь, в Санкт-Петербурге, у нас было несколько плодотворных встреч с представителями правительства. На этих встречах мы каждый раз подчеркивали нашу неизменную поддержку вступления России в ВТО. Это высший приоритет наших двусторонних отношений с Россией.

Хотя мы приближаемся к финишной черте, остаются некоторые сложные вопросы, которые нужно закрыть. Среди них — меры, не соответствующие Соглашению по применению санитарных и фитосанитарных мер Всемирной торговой организации (Соглашение СФС) и Соглашению ВТО о торговых аспектах инвестиционных мер (Соглашение ТРИМС). Я хотела бы, чтобы все четко понимали: наши специалисты напряженно работают в поддержку усилий России, чтобы завершить процесс вступления в этом году. Кстати, они работают и сегодня, в субботу. Однако только Россия может принять окончательные решения, необходимые для завершения процесса.

Права интеллектуальной собственности — это важная часть правил ВТО. Вступление в ВТО и принятие законов, необходимых для выполнения этих требований, помогут России создать среду, способствующую экономическому росту и привлечению инвестиций.

Действительно, права интеллектуальной собственности — это фундаментальная составляющая современной конкурентной и инновационной экономики, концепцию которой предлагает президент Медведев. Они создают основу для творчества и инноваций, обеспечивая крайне важный стимул для создания книг, которые пишут наши писатели, для песен, которые поют наши музыканты, для хореографии, которой славится российский балет, для новых технологий, которые изобретают наши инженеры, и новых лекарств, которые разрабатывают наши ученые. Все эти примеры показывают, что такая основа полезна не только для

экспорта из США товаров с большой долей интеллектуальной собственности, но и для российских деятелей искусства, российских ученых, российских программистов и российских инженеров.

Это значит, что нарушение прав интеллектуальной собственности всех нас лишает этих важных преимуществ. Неспособность обеспечить соблюдение прав интеллектуальной собственности предоставляет возможности тем, кто стремится получить выгоду за счет тяжелой работы, творчества и новаторства других людей. Кража интеллектуальной собственности столь же незаконна, как и кража собственности материальной. Защита прав интеллектуальной собственности и обеспечение соблюдения этих прав в Интернете тем более необходимы для продвижения инноваций и стимулирования конкуренции. Такие меры не только защищают права на продукт творчества, но и создают привлекательные условия для иностранных инвестиций, экономического развития и рынка труда.

Защита прав интеллектуальной собственности необходима всем странам, чтобы быть конкурентоспособными в эпоху Интернета. Если, как сказал в Давосе президент Медведев, «задача России — стать более привлекательным местом для лучших умов мира», то, по-моему, лучший способ это сделать — обеспечить соблюдение прав интеллектуальной собственности.

По имеющимся сведениям, Интернетом сейчас в России пользуются более 40% населения, то есть 60 миллионов человек. Эта статистика впечатляет. Думается, что соблюдение прав интеллектуальной собственности является обязательным условием для поддержания этого роста. Без него возможности для развития интернет-экономики, в том числе вновь возникающих услуг на основе «облачных» вычислений, будут упущены.

Я абсолютно уверена, что в цифровую эпоху можно и нужно защищать права интеллектуальной собственности. Для этого нужна сильная юридическая основа, а также государственная поддержка и решительные

правоприменительные действия. Позвольте мне кратко сделать несколько замечаний.

Во-первых, там, где проблема пиратства в Интернете еще не решена, необходимо внести изменения в законодательство. В законодательстве должна быть предусмотрена субсидиарная ответственность, то есть ответственность за предоставление условий или содействие нарушению прав — для провайдеров интернет-услуг при определенных обстоятельствах. Например, закон должен четко запрещать предложение услуг, которые способствуют нарушению авторских прав.

Конечно, в США есть свои проблемы с пиратством в Интернете, и мы признаем, что существует достаточно способов для их решения. Но мы пришли к выводу, что необходима сильная юридическая основа, противодействующая нарушению авторских прав в Интернете.

Я хотела бы заметить, что лицензии типа Creative Commons и платформы для контента не помогли решить проблему нарушения авторских прав. Некоторые платформы контента для музыки, например, предлагают правообладателям выдавать лицензию на свою музыку одному юридическому лицу, ответственному за все лицензирование контента для целой страны. Подход, который не решает саму проблему, вызывает беспокойство.

Проблема нарушения авторских прав в Интернете заключается не в лицензировании, когда законные провайдеры запрашивают разрешение у правообладателей. Основная проблема — нелицензированный контент, когда нарушители прав сознательно не запрашивают разрешение у правообладателей. Маловероятно, что новая схема лицензирования, реализуемая посредником, изменит ситуацию.

Вместо этого нам нужно, чтобы в каждой стране действовали четкие законы, запрещающие предложение услуг в нарушение авторских прав. Нам нужна

специальная государственная поддержка, чтобы принимать энергичные и последовательные меры против сайтов, нарушающих авторские права.

Второй принцип защиты прав интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, как я уже говорила — это правоприменительная система, то есть система исполнения законов на практике. Государство должно предоставить в распоряжение органов власти значительные ресурсы и поддержку, чтобы эффективно противостоять пиратству в Интернете. Для этой цели следует создать специальные государственные органы (если таковые еще не созданы).

В-третьих, я полагаю, принципиальное значение имеет сильная юридическая основа и последовательное исполнение законов. Это позволит закрывать сайты, предоставляющие доступ к контенту в нарушение авторских прав. Государство должно инициировать уголовное преследование операторов, реализующих незаконные схемы в Интернете. Это будет для них сдерживающим фактором. Кроме того, правоохранительные органы должны проводить консультации с правообладателями, чтобы выявлять сайты, нарушающие авторские права. В России, например, в настоящее время продолжают функционировать многочисленные сайты с платой за скачивание, в том числе сайты для хранения личных данных, торренты и незаконные музыкальные ресурсы.

Координация на международном уровне имеет большое значение, но она не должна подменять сильное национальное законодательство и обеспечение исполнения законов. Все члены Большой восьмерки, в том числе Россия и Соединенные Штаты, недавно признали необходимость принятия соответствующего национального законодательства и совершенствования правоприменительных систем. Международные соглашения, например, Соглашение ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС), интернет-договоры Всемирной организации интеллектуальной собственности и Торговое соглашение по

борьбе с контрафакцией (АСТА), которые мы обсуждали в прошлом году, играют значительную роль в защите прав интеллектуальной собственности и соблюдении этих прав.

Правительства стран могут также сотрудничать, например, посредством Соглашений о взаимной юридической помощи (MLAT), чтобы преследовать сайты, которые нарушают права интеллектуальной собственности, перемещаясь из одной юрисдикции в другую. При этом права интеллектуальной собственности остаются территориальными, следовательно, для их защиты требуется мощный ответ государства.

В заключение позвольте сказать, что «Сколково» (место, которое хорошо знает наш модератор) — это прекрасный пример среды, где для полного использования потенциала цифровой эпохи насущно необходимы юридическая реформа в отношении прав интеллектуальной собственности и решительные меры по их реализации. «Сколково» называют российской Кремниевой долиной, зоной высоких технологий, задача которой — привлечение новаторских компаний и исследовательских институтов, работающих в сфере энергетики, в том числе атомной, а также в области информационных технологий и биомедицины. Однако для осуществления проекта «Сколково» необходим прочный фундамент прав интеллектуальной собственности. Спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо большое, Мириам. Реагируя на последнюю часть Вашего выступления, я хочу сказать, что, действительно, фонд «Сколково» большое внимание уделяет и будет уделять вопросам интеллектуальной собственности, и даже планируется создание центра интеллектуальной собственности с тем, чтобы политика в этой сфере на территории «Сколково» действительно носила осмысленный характер. И мы планируем

активно развивать сервисы, предоставляемые участникам проекта в области интеллектуальной собственности. Ваше выступление действительно было очень интересным. Вы акцентировали внимание на защите интересов правообладателей, но я хочу сказать, что у правообладателей и в России, и за рубежом, как ни странно, разные взгляды относительно того, как они хотели бы защищать свои права и какую форму защиты они видят для себя наиболее эффективной. В этой связи я хотел бы предоставить слово представителю одного из российских правообладателей. Я хочу предоставить слово Светлане Миронюк, руководителю агентства «РИА Новости», главному редактору «РИА Новости», чтобы она поделилась впечатлениями из собственного опыта о том, как все-таки эффективно защищать интересы правообладателей.

С. Миронюк:

Я не думала, что Вы мне так быстро дадите слово, Игорь, потому что как раз мой опыт или, скажем так, ощущения, вынесенные из трех или четырех лет борьбы, достаточно жесткой и бескомпромиссной борьбы с нелегальным использованием контента, принадлежащего «РИА Новостям», архивного контента (я имею в виду визуальные и видео изображения, фотографии и видео или разные текстовые форматы, которые мы производили, производим и будет производить дальше)... Потому что агентство «РИА Новости» — это не традиционное новостное агентство: скажем так, это такой большой мультимедийный холдинг, который обладает правами на самый разнообразный контент в самых разнообразных сочетаниях форматов. Но, в общем, я лично и агентство «РИА Новости», прошли путь от жесткой борьбы с нарушителями наших авторских прав на те или иные объекты защиты или на тот или иной контент до понимания, так сказать, следующей формулы: взрывное развитие социальных сетей сегодня, огромное количество контента, который производится не только

профессиональными структурами, такими, как мы, но и рядовыми пользователями — так называемый user generated content — ставят нас перед необходимостью задуматься о том, что жесткий подход к поиску, защите и наказанию нелегитимного использования контента — с точки зрения структуры, в которой я работаю, неэффективен. Количество усилий и средств, которые тратятся на то, чтобы этот контент найти огромно, а найти его сегодня, притом объемы контента, который, допустим, производим мы — это не меньше шести–семи тысяч разных единиц контента в день, от текстового до... — это непрерывная работа достаточно большой группы людей по поиску пиратов в сети, то есть тех, кто использовал твой контент, забрал твои тексты, фото и видео и нарушил твои права. Это огромная работа группы юристов, которая затем должна сделать большое количество разных операций и действий по подготовке тех или иных кейсов. В общем, в результате это все очень похоже на бурю в стакане воды, потому что из работы большого департамента у нас в количестве, пожалуй, 20 человек — это юристы, люди, связанные с поиском, трекингом контента и так далее. В результате, мы, по-моему, вышли на одно или два дела, которые достаточно долго, около полугода или года, мурыжили в суде. В результате мы выиграли несколько судов. Но и, собственно говоря, воз и ныне там, потому что те, не буду называть, те сайты, которые у нас контент воровали, — они так и продолжают воровать. Конкретно по тому кейсу мы дело выиграли, но это не изменило систему. Значит, решение, наверное, не в жестком наказании, а в поиске, с одной стороны, экономически эффективной модели, которая заставит нелегитимных пользователей контента либо отказаться от этого, либо прийти к каким-то более осмысленным — скажем так, для них менее ущербным формам. Раз.

А два, наверное, я должна буду это первая сказать — есть, на мой взгляд, большая проблема — ну, для меня, во всяком случае, для агентства «РИА Новости» — в некоей социальной миссии, которая у нас есть, потому что

цифровое неравенство, о котором мы все говорим, — это не только отсутствие равного и безусловного доступа к сетям, к Интернету как к транспорту контента, но это и равный доступ к контенту и к знаниям, часть которых, в силу истории развития цивилизации, защищена тем самым авторским правом. Более того, про наше российской общество должна сказать, что мы (я имею в виду общество и российские институты), не готовы сегодня отвечать на жесткие меры регулирования. Поэтому они и не работают. Поэтому любые случаи обнаруженного пиратства, скорее, поддерживаются общественным мнением, а любые способы привлечь пиратов к ответственности, скорее, будут негативно восприняты обществом. Собственно говоря, на нашем агентстве я это за три года ощутила. Мне кажется, что есть смысл констатировать отсутствие сбалансированного эффективного подхода к разрешению этой коллизии — раз. Два, социальная составляющая, несомненно, должна стать предметом обсуждения.

И. Дроздов:

Светлана, я специально дал Вам слово, потому что, к сожалению, Иван Засурский, который как раз выражает точку зрения определенной части общества, опаздывает. Я хотел бы, чтобы мы начали нашу живую дискуссию, зная о Ваших взглядах, зная о том, что далеко не все правообладатели настаивают на механизме жесткого контроля над использованием их контента в сети Интернет. В этой связи я хотел бы послушать наших зарубежных коллег, послушать их точку зрения. Хотел предоставить слово Томасу Рубину, чтобы он каким-то образом откликнулся на то, что сказала Светлана. Как он считает: все-таки, как нужно двигаться в этом плане, плане защиты интересов правообладателей?

Т. Рубин:

Очевидно, что это чрезвычайно важный вопрос, возникший в чрезвычайно важный для России период. Мы очень хотим принять участие в обсуждении этого вопроса.

Компания Microsoft сталкивается с этой проблемой и как обладатель интеллектуальной собственности — Windows, Microsoft Office и другие продукты являются предметом авторского права и, к сожалению, в значительной степени страдают от пиратства, и, кроме того, Microsoft — серьезный Интернет-провайдер. Мы внедряем новшества в наши собственные продукты в Интернете — MSN, Hotmail, Bing, SkyDrive и другие — и нам необходимо найти баланс между внутренними интересами правообладателя и потребностями провайдера интернет-услуг.

Поэтому я хотел бы поговорить об этом самом балансе, о котором здесь только что говорилось, о том, как мы ко всему этому относимся и как нам добиться баланса. Я инженер-технолог, а технологи любят данные, поэтому давайте рассмотрим некоторые данные. Есть совершенно определенные данные, которые, я думаю, помогут лучше понять ситуацию в России с перспективой на будущее.

В 1998 году в США вступил в силу Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху (DMCA). В нем содержатся положения о провайдере интернет-услуг, в которых сформулированы правила для провайдеров интернет-услуг и владельцев контента, возможности их сотрудничества с целью снижения объема нарушений в Интернете. В Европе в 2000 году была также принята Директива об электронной коммерции, в которой рассматриваются аналогичные вопросы.

Я считаю, что важно посмотреть на результаты этих усилий в законодательной области, потому что, на мой взгляд, в основном, результаты оказались весьма позитивными и для владельцев контента, и для провайдеров интернет-услуг. Я хотел бы обратить ваше внимание на

три конкретных результата, полученных благодаря применению главы 512 положений о провайдере интернет-услуг DMCA.

Во-первых, мы стали свидетелями бурного развития инновационных услуг в Интернете, которые дают людям новый потребительский опыт, обеспечивают новые способы потребления контента, общения и распространения результатов их труда.

Во-вторых, благодаря созданию такого фундамента в США и других странах мы наблюдали, как стремительно развивались поставщики и платформы коммерческого контента для коммерческих провайдеров. За последние несколько лет произошел взрывной рост легальных предложений в области музыки, кино, телевидения, игр, книг и программных продуктов в Интернете. Одна из причин — способность владельцев контента контролировать его в Интернете и обязательство провайдеров удалять контент, нарушающий авторские права.

В результате возник третий фактор — добровольные совместные усилия провайдеров Интернет-услуг и владельцев контента, которые реализуются на вновь созданной юридической основе. Все это очень помогает и существенно дополняет правила, сформулированные в законах. Итак, существует много примеров совместной работы провайдеров интернет-услуг и владельцев контента по снижению объема нарушений авторских прав.

Поэтому я считаю, что баланс, которого мы добились благодаря Закону о защите авторских прав в цифровую эпоху и Директиве об электронной коммерции, является очень показательным.

Я также хотел бы остановиться на некоторых вопросах, имеющих прямое отношение к тому, что мы здесь обсуждаем. Первый вопрос относится к «мошенническим сайтам», как мы их называем в Соединенных Штатах и в Конгрессе США.

Во всем мире существует эта проблема: речь идет о сайтах, которые не имеют законных целей и создаются для размещения нелегального контента. Ответные действия против них должны быть самыми что ни на есть прямыми. Сайты, которые занимаются пиратством, не приносят никакой пользы, однако, существуют, и есть страны, которые позволяют им работать. Очевидно, что существование подобных сайтов очень негативно сказывается на творческих людях, а также на инновациях и даже на инвестициях. Откровенно говоря, существование таких сайтов и тот факт, что некоторые из них действуют бесконтрольно и беспрепятственно, создает нагрузку на глобальную экосистему Интернета и имеет отрицательные последствия для всех граждан мира и для всех творческих людей. Поэтому я хотел бы обратить на эту проблему особое внимание.

Последнее, о чем я хотел бы сейчас сказать — это лицензии Creative Commons и другие разрешительные лицензионные схемы. Я знаю, что это обсуждается, что это важно. Эти лицензии — важная часть творческой экосистемы. Компания Microsoft активно поддерживает Creative Commons вот уже много лет. Очень важно, что авторы имеют право распространять свои работы с такой разрешительной лицензией, если они хотят поступать именно так.

Важно также понимать, что лицензии Creative Commons дополняют, а не заменяют систему авторского права. Руководители Creative Commons первыми с этим согласятся. Таким образом, существует пространство для Creative Commons, и очень важное пространство. Важно также понимать, что оно входит в общую схему, в которой авторы могут защищать свои права и добиваться их соблюдения.

И. Дроздов:

Спасибо большое. Действительно правообладатели ищут сейчас другие пути, как они могли бы получать доход от контента, которым они обладают,

понимая, что, действительно, как сказала Светлана, достаточно сложно, используя традиционные методы защиты, в силу государственного принуждения обеспечить защиту своих прав. Я хотел бы, в продолжение того, о чем сказал Томас, предоставить слово Оливеру Метцгеру, главному юристу компании Google, которая тоже старается поощрять использование такого рода бизнес-моделей правообладателями. Быть может, он вкратце расскажет об этом и откликнется на то, что сегодня слышал.

О. Метцгер:

Спасибо. За время сотрудничества с Google я работал над Google Books, Google Web Search and Google Image Search. Таким образом, я сталкивался с проблемами защиты интеллектуальной собственности как со стороны поисковых продуктов, где Google просто дает ссылку на контент, размещенный другими людьми, так и со стороны размещенных продуктов, где сам Google размещает контент.

По нашему мнению, соблюдение прав интеллектуальной собственности в сети Интернет лучше всего действует, когда собственники и посредники делят ответственность. Только собственники знают, у кого есть лицензия на их контент. Следовательно, они в состоянии выявить нарушение прав. Поэтому их обязанность — выявлять случаи нарушения прав и уведомлять нас или посредников, когда они обнаружат нарушение.

Собственники также имеют возможность предоставлять законный доступ к своему контенту в Интернете. Это сокращает спрос на нелегальный контент. Мы считаем, что посредники обязаны удалять контент, когда получают соответствующее уведомление. По нашему мнению, в законодательстве должны быть четкие правила для посредников. Мы думаем, что в США это имеет место в большой степени благодаря Закону о защите авторских прав в цифровую эпоху, о котором уже говорил Том. Этот закон не идеальный, но мы полагаем, что он показывает посредникам в Интернете четкое

направление движения. При этом мы считаем, что если посредник удаляет информацию, то он не должен нести за нее ответственность, если он удаляет ее быстро после соответствующего уведомления.

И, в-третьих, по нашему мнению, для инноваций в Интернете большое значение имеет концепция о необязательности мониторинга, которую можно найти в DMCA и в Директиве об электронной коммерции в Европе. Причина очень простая: мониторинг чрезвычайно дорог. Это очень трудно даже для крупных корпораций. А если сделать его обязательным для небольших корпораций, то эта обязанность будет просто разрушительной. Поэтому для инноваций в Интернете важно иметь основополагающую концепцию об отсутствии обязательства проверять ваш сайт на предмет нарушения авторских прав.

Таковы некоторые обязанности собственников и посредников. Мы также думаем, что они все обязаны уважать право пользователей на свободу слова. Например, в США, если пользователь берет информацию, к которой применяется авторское право, и использует ее для политической речи или для комментария, это использование считается допустимым, законным и не нарушающим авторское право. Таким образом, я считаю, что собственники обязаны не квалифицировать это как нарушение авторского права, а посредники обязаны не удалять такой контент.

Вот основные идеи, которые я хотел высказать о так называемых поисковых продуктах. На сайте, где размещены продукты, есть хороший пример — прекрасный инновационный механизм соблюдения прав интеллектуальной собственности, который также привязан к механизму получения денег. Это наш продукт для YouTube, он называется Content ID.

Для тех, кто с ней не знаком, скажу, что Content ID — это программа, с помощью которой правообладатели (например, киностудия или звукозаписывающая компания) могут прислать нам справочные файлы для своего контента. Из справочных файлов мы создаем гигантскую базу

данных. Когда пользователь собирается загрузить новый видеоролик на YouTube, мы проверяем его по базе данных, и если обнаруживаем совпадение по видео или аудио, то решение, что с ним делать, принимает владелец контента.

Он может его заблокировать, и тогда ролик будет удален с сайта. Он может позволить его загрузить и затем отслеживать его использование. Есть и третий вариант, наиболее соответствующий нашей дискуссии. Он состоит в том, чтобы получать деньги за контент. Даже если ролик был размещен кем-то другим, правообладатели получают долю прибыли за рекламу, которую мы размещаем рядом с роликом. Когда видеоролик загружен, мы размещаем рядом с ним рекламу. Мы получаем оплату, когда люди нажимают на эти рекламные объявления. Прибыль делится с владельцем контента. Большая часть прибыли поступает владельцу контента.

Опыт применения Content ID дал интересную статистическую информацию. Владельцы разрешают размещать контент более чем в половине случаев, даже если не они разместили его первыми. В результате это приносит серьезные деньги. Я думаю, сейчас на YouTube насчитывается примерно 3 миллиарда просмотров в неделю, которые приносят деньги.

Мы считаем, что этот новаторский способ позволяет одновременно защитить интеллектуальную собственность в Интернете и получать за нее деньги.

И. Дроздов:

Спасибо, Оливер. Я хотел бы в нашей дискуссии послушать еще более крайние взгляды: к нам подошел Иван Засурский. Я думаю, небезынтересно послушать те мнения, которые присутствуют в обществе среди... Иван представляет интересы пользователей.

И. Засурский:

Не только пользователей, но и научного сообщества: я заведую кафедрой новых медиа в Московском государственном университете на факультете журналистики. Знаете, мы вывели такую формулу богатства информационного общества, как его измерить. Это сумма знаний, всей информации: образов, картинок, видео — всего, что хотите, помноженного на скорость обращения, которая тоже связана с тем, как это все перелинковано между собой, помноженное на доступ в квадрате. Чтобы помочь переводчикам, я скажу это по-простому: $\text{sum of knowledge multiplied by the coefficient of spiral circulation multiplied by access squared}$. This is the $\text{wealth of knowledge}$. Я просто боюсь, что меня могли неправильно перевести, поэтому я сделал акцент на этом. На мой взгляд, с точки зрения общественного блага, та позиция, которую я хотел бы оставить, которая является в действительности тем фундаментом, на котором должно, по идее, строиться законодательство по интеллектуальной собственности... Задачей государства и многих игроков, и, скажем так, социальной ответственностью в случае с интеллектуальной собственностью является содействие максимально широкому распространению информации и доступа к ней. Я хочу сказать, что здесь у нас, может быть, не совсем равные условия. У России есть небольшое преимущество, связанное с тем, что в действительности, скажем так, об интеллектуальных правах на культурные произведения и собственность, которая была произведена в советское время, можно говорить долго. Но у нее действительно есть особый статус в связи с тем, что многие произведения находятся в коллективной собственности и по-прежнему принадлежат государству. Поэтому я считаю, что Россия может показать очень серьезный пример всему миру, если она сможет освободить их и сделать, так или иначе, частью общественного достояния. Возможно, в ходе справедливой сделки с авторами, возможно, путем директивной передачи в общественное достояние собственности на цифровые права на произведения, которые

принадлежат государству или которые финансируются государством. Мне кажется, что в основе тех глобальных инициатив, которые могут быть интересны с точки зрения регулирования общественного достояния, могут находиться совершенно конкретные программы и проекты, которые предназначены для того, чтобы поддерживать передачу общественного достояния, культурных ценностей. Например, компания Google, насколько я знаю (тем более, здесь есть главный юрист), была остановлена в оцифровке из-за всевозможных сложностей с интеллектуальными правами в Соединенных Штатах. Мне кажется, что это ужасно, потому что проекты, которые переносят в цифровую среду, наше культурное наследие, должны, наоборот, получать всемирную поддержку. Если смотреть на опыт развития интернет-индустрии, то когда пишутся законы, людям очень важно видеть сразу, как будет соблюден интерес правообладателей. Но если вспоминать историю того же YouTube — он начинался не как «кристально чистый» ресурс, на котором были соблюдены все интеллектуальные права. Youtube начинался как ресурс, на котором были самые разные видео с самыми разными правами. Была куча судебных историй, но теперь есть способ монетизации, который в результате естественного процесса вы можете представлять на международных конференциях. Наверное, в истории с интеллектуальными правами еще не все запятое даже, не то что точки, поставлены. И мне кажется, что практика, основанная, прежде всего, на двусторонних сделках между правообладателями и реальными продавцами контента... мне кажется, желательно обходиться без органов коллективного управления, потому что это внедряет новых посредников в ситуацию, в которой на самом деле только проясняется баланс интересов между пользователями, продавцами и правообладателями. Мне кажется, возможны новые точки при поиске такого компромисса. Спасибо большое.

И. Дроздов:

Спасибо, Иван. Очень интересно было послушать Вашу точку зрения. Действительно, мы должны помнить, что, собственно говоря, все, что создается, все, что принадлежит кому-то, — оно создается для людей, для общества, и общество должно иметь возможность доступа к этим благам. Но очевидно, что должны защищаться определенным образом интересы правообладателей, и здесь вопрос состоит в том, как найти этот разумный баланс между интересами правообладателей и пользователей.

Я, может быть, на ходу меняю ту последовательность, о которой мы изначально договаривались, но, исходя из того, что я услышал, я хотел бы дать слово Андрею Викторовичу Логинову, представителю правительства в Государственной Думе, поскольку Иван затронул проблему доступа общественности к культурному наследию, а Андрей Викторович хотел поговорить о библиотеках, то есть о тех институтах, которые этот доступ обеспечивают.

А. Логинов:

Изменения, о которых мы здесь говорим, безусловно, нужны, потому что Интернет обозначил качественно новую ступень в технологии обмена информацией. Главное только понять, правильно определить цели этих изменений. С моей точки зрения, это является защитой интересов создателя контента. Это не всегда правообладатель. Мы можем погубить создателя контента в погоне за оптимальными формулами и балансом интересов, в том числе коммерческих. У нас весь контент сместится к 140 знакам в «Твиттере» вместо тех произведений, которые еще пишут авторы. Интересы у создателя контента — не всегда коммерческие. В этом плане четвертая часть ГК подразумевает презумпцию коммерческой заинтересованности автора. И в этом плане мы видим ее очень узкие рамки для развития процессов, связанных с контентом в Интернете. Вот маленький пример: никто ведь из авторов-писателей не испытывает

коммерческого дискомфорта от того, что сотни тысяч читателей читают их книги в библиотеках бесплатно. Не испытывают. Они благодаря этому приобретают популярность. Исходя из этого, задается вопрос: как в действующих условиях четвертой части ГК библиотекам надо приобщаться к цифровым технологиям, когда для того, чтобы получить право на оцифровку произведения, им нужно заключать — каждой библиотеке — договор с автором. Российские библиотеки в этой ситуации спасаются через объединение усилий. Есть проект «Национальный библиотечный ресурс» — он охватывает все большее количество библиотек, — который подразумевает следующие жесткие параметры. Во-первых, это обязательное заключение лицензии с автором. Но мы заключаем лицензию на пользование двух копий: одна идет на хранение, а другая копия становится доступна через мультипользовательский доступ. И вот, когда работа идет с этой копией, читатель бесплатно может ознакомиться с ней на экране компьютера. Снять с нее копию он уже может, только заплатив некую сумму. Эта сумма покрывает расходы библиотеки и компенсирует коммерческий интерес автора. Вот это — идеально выстроенная система, где установлен баланс между всеми участниками: между правообладателями, библиотеками и читателями. И поверьте, в 90 случаев читатели потом становятся будущими авторами. Таким образом, мы обеспечиваем регенерацию творческих процессов и импульсов. Проигрывают в этой конструкции не только пираты, но и, я бы сказал, те агрегаторы-коммерциализаторы, которые пытаются в этой конструкции создать некое колено, которое бы скапливало некие финансовые ресурсы. По сути дела, я считаю, что чем больше мы будем пытаться коммерциализировать оборот контента в Интернете, тем больше мы будем сталкиваться с разными широкими проявлениями пиратства. И поверьте, в войне технологий победителей не бывает, и мы никогда из этой проблемы и этого столкновения интересов не выйдем.

Что касается поставленных здесь Иваном вопросов, я бы еще добавил такой подход. Абсолютно согласен: в случае, если мы заявляем права и где-то фиксируем, автор вправе распорядиться и хотя бы обозначить направленность своего произведения. Можно предложить такую модель: если он обозначает ее как художественно-развлекательную — пожалуйста, здесь мы можно действовать в существующей сегодня 70-летней охране прав после смерти автора. Но если он обозначает ее как научно-образовательную — поверьте, коллеги: кому будет нужна сегодняшняя книжка о нано-технологиях, когда исполнится 70 лет после смерти ее автора? И вот такого рода вопросы очевидны. Поэтому я бы добавил к тому предложению Ивана, что надо расширять за счет огромного количества, — в первую очередь, меня интересует научно-образовательный контент, который создан с участием бюджетных государственных денег, а это, если внимательно посмотреть, 90% всего, что написано. А со второй стороны, я бы сказал, для научно-образовательной литературы, допустим, охрану контента в Интернете — не в печатном виде, а в Интернете — можно сократить до 5–10 лет. Но опять же, делать это мы можем только, как мы обсуждали с Министерством культуры и с Министерством связи: только в случае заявления автором данного режима использования своего произведения. Спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо большое. Я хотел бы сейчас дать слово Эрику Голдману. У него большой опыт в изучении вопросов интеллектуальной собственности. Эрик, я хотел бы, чтобы Вы в первую очередь откликнулись на то, что Вы услышали. Может быть, для Вас какие-то взгляды кажутся неприемлемыми или, наоборот, Вы их разделяете, Вам они интересны. И Иван, и Андрей сейчас поделились своими мыслями на тему развития регулирования

интеллектуальной собственности в сети Интернет. Как Вам кажутся эти предложения?

Э. Goldman:

Спасибо большое. Я очень рад здесь присутствовать.

Хочу предложить две темы и поговорить о провайдерах услуг, а затем — о создателях контента.

Что касается защиты авторских прав, я думаю, все согласны, что это дело благородное. Но иногда ее неправильно трактуют, исходя из того, что чем больше защиты авторских прав, тем лучше.

В Кремниевой долине, например, инновации часто возникают в нерегулируемых пространствах, если их можно так назвать, в трещинах в структуре правил, в которые могут «заглядывать» предприниматели. Во многих случаях регулирование может создавать препятствия при входе на рынок. Это могут быть затраты на открытие бизнеса, или, в некоторых случаях, преднамеренные препятствия для входа на рынок, создаваемые существующими игроками, которые хотели бы установить трудные условия для конкурентов.

В Соединенных Штатах мы ощутили преимущества создания «безопасных гаваней», которые позволяют предпринимателям инвестировать в разработку новых технологий с использованием таких безопасных пространств. Сегодня уже упоминался Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху, благодаря которому была создана схема уведомления и удаления информации.

У провайдеров услуг, я думаю, пока есть проблемы с точки зрения соответствия законам, но они хотя бы знают правила игры. Они могут найти прибыльные способы принятия решений по инвестициям, зная свои обязательства.

Оливер говорил о сайте YouTube. На наш взгляд, это хороший пример, когда сайт действует благодаря созданию «безопасной гавани», в которой сформулированы правила игры.

Кратко скажу о точке зрения создателей контента. Конечно, существует растущая группа авторов контента, которые не считают, что авторские права — единственное решение для достижения их целей. Некоторые из вас, я уверен, знакомы с выражением «информация хочет быть свободной». Эту фразу можно по-разному понимать, но я понимаю ее так: Интернет делает информационную асимметрию нестабильной. Если у вас есть информация в месте А и нет в месте Б, то это очень нестабильная ситуация в Интернете. Информация стремится перетекать в те места, где ее нет.

Многие авторы контента ищут способы использовать это свойство для получения преимущества, придумывают способы использовать асимметрию информации для создания коммерческой выгоды для себя. Создаваемый ими контент в основном используется как форма маркетинга, продажи ограниченных ресурсов, товара или услуги, которых нет в широком доступе и асимметрию которых можно поддерживать.

Классический пример — музыкальная группа, которая бесплатно размещает записи своих концертов, чтобы создать спрос среди слушателей, которые будут затем покупать продукты или услуги этой группы. Поэтому мы должны учитывать, что помимо авторского права у создателей контента существуют другие способы для достижения коммерческих целей. Спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо большое, Эрик. Я хотел бы дать слово Юрию Любимову, заместителю Министра юстиции Российской Федерации. Он значительную часть времени посвятил вопросам интеллектуальной собственности, еще работая в Министерстве экономического развития, участвовал в российско-американских переговорах на эту тему и тоже, конечно, сформировал свои

взгляды относительно того, как наиболее эффективным образом, по его мнению, защищать интересы правообладателей и, в то же время, учитывать интересы пользователей.

Ю. Любимов:

Спасибо большое, Игорь. Спасибо организаторам за то, что нас здесь собрали по этому поводу. Повод действительно важный. Я хотел, наверное, поздравить всех участников с тем, что вчера наша тема даже удостоилась упоминания во вступительной речи Президента, что, с моей точки зрения, подчеркивает ее большую важность для этого Форума. Действительно Игорь Дроздов сказал о том, что у меня в жизни был момент, когда я достаточно активно занимался вопросами интеллектуальной собственности. Это было, наверное, около трех–четырёх лет назад. Но вот три–четыре года прошли, и я смотрю, что на самом деле дискуссия остается все той же самой. И проблемы мы обсуждаем на самом деле те же. Я, наверное, хотел бы под другим углом посмотреть на предмет нашего обсуждения, и тем самым, может быть, даже в чем-то заострить дискуссию. То, что мы сейчас услышим по тематике защиты авторских прав, — то, что я назвал бы традиционной риторикой, копирайтом, — есть некие права, которые нарушаются пиратами или другими нелегальными пользователями, и мы плохо работаем, чтобы эти права защитить.

Как нам сделать так, чтобы работать лучше, чтобы эти права защитить? Знаете, мне кажется, что окружающая нас экономическая и технологическая реальность показывает другую постановку вопроса и другой взгляд на наше обсуждение. Мне, честно говоря, кажется, что тот комплекс правил, который был сформулирован для бумажной интеллектуальной собственности, — к сожалению, хочется нам этого или нет, — сегодня трещит по швам. Мы это видим на примере в разы падающих продаж материальных носителей, на примере цифровых продаж, из которых легальных в мире, дай Бог,

считанные проценты, может быть — 10–20%, может быть, чуть больше. Вопрос, мне кажется, не в том, как заставить эти действующие правила работать, а вопрос — сколько времени осталось до того момента, когда эти правила полностью себя изживут, и мы их благополучно с музыкой похороним. Я при этом не поддержал бы риторику тех наших коллег, которые говорят: «Эти правила традиционного копирайта, традиционного авторского права постепенно изживают себя — ну, и Бог с ними, и здорово, скоро их там совсем не будет, будем жить в новом мире». Мне кажется, что при этом происходит очень большая проблема, которую я бы назвал уже проблемой не правовой, даже не экономической — проблемой культурной, когда автор не может монетизировать свой труд, не может монетизировать свои усилия адекватным образом, он теряет стимул к производству творческого продукта. Это существенным образом снижает уровень того культурного контента, в котором мы живем. Мы это уже сегодня видим на примере того же самого телевидения, которое мы все смотрим. Я имею в виду не российское телевидение, а телевидение в других странах. Где-то оно гораздо хуже с точки зрения развлекательного контента, который мы наблюдаем. Поэтому мне кажется, что задача сегодня состоит в том, чтобы найти некий новый способ монетизировать авторов в новых технологических условиях. И мне наша дискуссия по поводу соотношения авторского права и технологий напоминает дискуссию, которая могла бы быть теоретически пятьдесят лет назад между теми, кто предлагал дальше ездить на лошадях, в скачках участвовать — в таких как, например, Royal Ascot, — и теми, кто предлагал ездить на автомобилях, поездах и самолетах. Конечно, на лошади ездить на самом деле лучше: это экологично, это очень красиво, это здорово, в особенности — скачки красивые. Но понятно, что технология идет вперед, и невозможно всем ездить на лошади. Знаете, я до сих пор те документы, которые мне приходится подписывать, подписываю перьевой ручкой. Это очень

неудобно, надо чернила покупать, пачкается ручка и так далее. Но это очень приятно, это красиво. Но я не могу моих сотрудников заставлять писать от руки перьевой ручкой. Поэтому мне кажется, что с развитием технологии те вещи, которые вчера были привычными, через какое-то время превращаются в некий предмет красоты, предмет «люкса», если хотите. Технология идет вперед, поэтому массовый сегмент становится более дешевым, более доступным, что ли. Что-то такое, мне кажется, сегодня происходит и с авторским контентом. Мы сегодня, к сожалению, не можем защищать авторский контент теми средствами, которые были изобретены для защиты контента на бумаге. Мы должны с этим согласиться. Понимаете, от того, что мы здесь решим в ходе нашей дискуссии, ситуация на самом деле, к сожалению, не изменится. Традиционная система авторских прав будет, к сожалению, с каждым годом разрушаться. И если мы сегодня не найдем новую систему монетизации авторов, то мы через 10 лет можем оказаться в ситуации, когда авторское право образца 60–70-х годов XX века полностью разрушено, а нового авторского права мы не предложили. У нас авторы будут с удивлением смотреть на торрент-трекеры или какие-то другие формы, существующие в Интернете, и не понимать, почему они совсем не получают никакого дохода. Мне кажется, это тот случай, когда технология меняет юридические правила. Это происходит объективно, вне зависимости от нашего желания. Поэтому, мне кажется, мы сегодня находимся в том моменте, когда мы просто должны немножко под другим углом посмотреть на проблему, попытаться найти решение, пока это решение не поставило нас в тупик. Большое спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо большое, Юрий. Вы видите: наша дискуссия принимает, на мой взгляд, очевидную направленность. Большинство сходится на том, что необходимо менять действующие правила в области авторского права

применительно к сети Интернет. Невозможно уже жить по старым правилам, они показывают свою неэффективность. Я хотел бы опять вернуться к правообладателям, поскольку обычно именно они отстаивают необходимость сохранения существующих правил. И мне в этой связи было бы интересно послушать Кевина Лори, президента Sony Music по Европе и Африке. Как Вы считаете, должны ли быть какие-то изменения, какие-то особенности применительно к сети Интернет, или все-таки Вы полагаете, что нужно действовать в рамках существующих правил и обеспечить просто эффективность их применения?

К. Лори:

Спасибо за приглашение и еще раз спасибо организаторам.

Прежде всего, я хотел бы сказать, что мы уже инвестируем в российскую интеллектуальную собственность через нашу компанию, которая здесь работает. Мы верим, что Россия станет огромной творческой силой и что 140 миллионов россиян будет, так или иначе, иметь отношение к созданию музыки, игр, дизайна и компьютерных программ для всего мира. Мы также уверены, что интеллектуальную собственность нужно защищать и в Китае, и в США, и в Мексике, и в Швеции.

Мы представляем нескольких артистов, в том числе Дениса Мацуева, который только что получил звание Народного артиста России, и популярного исполнителя Сергея Лазарева. Денис занимается классической музыкой. Это творческие личности, они должны быть хорошо представлены в мире, так как их музыка становится известной и находит свою публику.

Так что речь идет и о защите российского творчества. Мы считаем, что в мире должны быть единые правила игры, которые гарантировали бы справедливость в целом для создателей контента, чтобы авторы в России были заинтересованы больше инвестировать в создание игр, интеллектуальной собственности, музыки и других видов творчества.

Я могу вам сказать, что когда есть единые правила игры на рынке — это помогает. Приведу в пример Швецию. Несколько лет назад на шведском рынке было засилье воров и пиратов. Здесь был изобретен сайт Pirate Bay, который действовал под лозунгами борьбы за молодость, свободу и новую интернет-анархию, если хотите.

Затем произошли некоторые события. Правительство начало замечать, что это не совсем справедливо. Был принят закон, который обязал закрывать незаконные сайты. На Pirate Bay подали в суд, который закончился не в его пользу.

Очень важно, что в это же время провайдеры контента выдали лицензии на законные сервисы, и основным провайдером стал Spotify. Так публика внезапно получила доступ практически ко всей когда-либо созданной музыке. Это довольно убедительный сервис. Сначала его поддерживали рекламой, теперь он работает на основе премиальной абонентской подписки.

Я могу вам сказать, что все это работает и что это интересно. Мы предполагаем, что через год–два все ресурсы, которые существовали до воровства и пиратства, будут заменены на законные интернет-сервисы. После многих лет неправильных решений, возможно, принятых и с нашей стороны, сложилась очень запутанная и сложная структура. Нужно собрать всех правообладателей вместе и уровнять, предоставлять лицензии и сделать сервис популярным, чтобы публика его приняла. Вот как это работает.

Существует российский сервис под названием «Звук», который почти лицензирован и может стать лицензированным. Этот сервис мог бы работать аналогичным образом для российской публики.

Итак, для защиты провайдеров контента в России необходимы одинаковые условия для правообладателей и легальные сервисы. С небольшой

помощью и поддержкой государства можно создать справедливую систему, которая была бы выгодна всем заинтересованным сторонам.

И. Дроздов:

Спасибо, Кевин.

Мы в России тоже думаем над тем, каким образом можно было бы усовершенствовать законодательство, думаем над тем, какие предложения могли бы быть сформулированы для международного сообщества, я думаю, все-таки большинство разделяет ту точку зрения, что довольно тяжело жить в рамках традиционных правил об авторском праве, тяжело обеспечить в рамках этих правил интересы правообладателей, интересы авторов. В то же время, ситуация, когда, по сути, значительное число пользователей сети Интернет является нарушителями — не нормальна. Мы думаем над тем, чтобы предложить модель, которая была бы действительно справедливой, если можно здесь употребить этот термин. Она была бы справедлива и для правообладателей, она была бы справедлива и для пользователей. Действительно, чтобы пользователь сети Интернет, с одной стороны, не чувствовал себя нарушителем и не являлся нарушителем, а с другой стороны, чтобы те действия, которые он совершал в Интернете, не нарушали интересов правообладателей. Поэтому хочу сейчас предоставить слово Екатерине Чуковской, заместителю министра культуры, вместе с которой мы думали над определенными предложениями в этой сфере. Я с удовольствием предоставляю ей слово, чтобы она их вам презентовала.

Е. Чуковская:

Спасибо, Игорь. Действительно, мы работали над такими предложениями вместе с Министерством экономического развития и Министерством связи. В отличие от многих выступлений, которые сегодня прозвучали, мы решили сосредоточиться на нескольких определенных вещам. Посылком было, во-

первых, не искать какие-то инновационные способы преследования нарушителей: закрытие сайтов, поиск информации о том, кто и как нарушает, на какую сумму, — а попробовать описать легальный сектор. Как использовать произведение правильно? И когда мы опишем эти рамки, думали мы, мы объявим, или, во всяком случае, предположим, что все, что находится вне этих рамок — это незаконно. Вторая наша идея была в том, что нам нужно заниматься только вопросами в Интернете, не затрагивая налоговую среду и не руша тех принципов авторского права, которые были сформулированы уже несколько столетий назад. Потому что никакое новшество не запрещает произведение традиционными способами. Когда было изобретено кино, говорили, что это убьет театр. Когда было изобретено телевидение, носители тогда говорили, что теперь не будет кино. Однако все это сосуществует. Просто баланс использования, может быть, меняется. Кроме того, мы попытались представить недостатки Интернета с точки зрения наших предшественников, которые занимались только попыткой создать систему ответственности для нарушителей. Эти недостатки — его территориальность, его высокая технологичность, малые возможности вмешательства человека в, главным образом, технологические процессы. Мы пытались это представить как достоинства.

Из этого мы сделали следующие выводы. Во-первых, не изменились права как таковые, авторские права, права на доступ к информации, права на пользование культурными ценностями — изменились средства. Не следует слепо идти на поводу у этих средств, а может быть, нужно эти средства направить в более правильное юридическое русло. Первое предложение — это создание новой системы переговорного и договорного инструмента. То есть, почему все говорят, что сложно законным образом приобрести произведение в Интернете? Потому, что наше законодательство — во всяком случае, до сих пор — требует письменную форму договора. То есть после того, как я найду интересующее меня произведение, мне надо

выключить компьютер, сесть на поезд, поехать к правообладателю и там каким-то образом договариваться об условиях, нам обоим интересных. Поэтому первое, что мы предлагаем, — это изменить правовой инструментарий: как ведутся переговоры, как заключаются договоры, возможны ли здесь аналоги оборотных лицензий, как для программ для ЭВМ, или можно вести переговоры кликами, то есть фактически конклюдентными действиями. И тем самым мы заставим новые средства технологически влиять на форму отношений, а не на их суть, потому что, действительно, на первом этапе нашей работы мы рассматривали много разных фантастических вариантов, как должна измениться юридическая конструкция. Одно говорил Андрей Викторович про разные сроки охраны для разных типов произведений. Мы думали вернуться, может быть, к ситуации российского законодательства до 2004 года, когда оцифровка не являлась воспроизведением. Много разных других моделей было, но все-таки мы решили, что суть отношений меняться не должна. Авторское право как охраняло интересы творца, так оно и должно охранять их, как бы ни менялись средства распространения произведений. А второе, и тоже сегодня я лишний раз услышала обоснование правоты нашей позиции в сегодняшних выступлениях: что все правообладатели относятся к своему труду и к его судьбе по-разному. Кто-то желает полностью контролировать использование своего произведения и извлекать из этого максимальную выгоду. Кто-то ради популяризации готов предоставить произведение в свободное использование. Некоторые говорят (это касается, в первую очередь, научных исследователей и особенно тех, которые работают за счет бюджета), что им достаточно того вознаграждения, которое они получили на стадии создания, и не хотят потом добирать — а в этом и идея авторского права — за использование произведений. И, соответственно, авторы сами представляют себе разные модели охраны. Почему не предоставить им такую возможность: самим выбирать, как они бы хотели, чтобы их

произведение охранялось? Где-то в той же идеологии движется creative commons. Это довольно распространенное течение: там всего восемь моделей, но автор может, распространяя в Интернете или в аналоговой среде, объявить о том, что он хотел бы, например, чтобы его произведение не перерабатывалось, а во всем остальном он допускает свободное использование своего произведения. Ведь дело не только в деньгах: дело в авторской репутации и вообще в том, что мы называем неимущественными правами, в том, чтобы знали, что произведение именно этого автора, или, например, он хочет скрыться под псевдонимом, что часто бывает. То есть дело не только в экономических моделях: дело в статусе автора и в его отношениях с произведением. Получается, что мы должны дать автору некий универсальный способ объявить о своем видении, о своих желаниях, о своих амбициях. Кроме того, это позволит более активно вовлекать авторов, потому что, действительно, на сегодняшний день ситуация на бытовом уровне происходит так: государство предоставляет некую охрану — я бы даже сказала, не предоставляет, а навязывает. Правообладатель говорит: да, вы мне навязали охрану и не можете обеспечить ее реализацию, и, соответственно, автор сидит в позе обиженного. Мы предлагаем здесь перенести центр тяжести. Мы предлагаем правообладателю стать сотрудником государства в том, что касается охраны его интересов. И когда он занимает активную позицию, то из тех самых широких рамок охраны, которые государство ему предоставляет, он может выбрать свою модель. Такой «правовой конструктор», как мы его называли. Он может выбрать и виды использования произведения, которые его интересуют с точки зрения экономического эффекта, и он может выбрать те зоны, которые могут быть свободны. Он может выбрать сроки охраны, о чем говорил Андрей Викторович. Или установить хронологию. Это идея, которая заложена в европейской Конвенции о трансграничном телевидении, этот способ использования в течение определенного срока:

фильм, например, выходит на экраны, и на дисках или любых других носителях он может выйти не раньше, чем через полгода, а потом через год на телеканале, который был сопродюсером или предоплатил права, и через два года — на остальных каналах. Эта идея появилась в 80-х годах и была заложена в Конвенции. Но это — схема максимального выжимания живых денег из использования произведения. Автор может установить что-то подобное. Он может определить, предположим, способы получения и размер вознаграждения, которые он хотел бы, если он контролирует использование. Это могут быть прямые контакты и разовые платежи непосредственно с пользователя. Это могут быть какие-то компенсации, похожие, может быть, на компенсации за частное копирование. Это может быть распределение доходов от рекламы, подобно модели, которая существует на телевидении. То есть автор может заявить о том, как он видит использование своего произведения. И не надо забывать о том, что и в конвенционном, и в национальном режиме существуют исключения, которые допускают использование произведения без согласия автора или без выплаты вознаграждений в гуманитарных целях. Когда мы нарисовали себе такую красивую картинку, мы подумали: а что же может стать таким универсальным правовым инструментом, который позволит все эти фантазии реализовать? И мы решили, что это может быть такой публичный реестр, а учитывая принципы Бернской конвенции по отсутствию формальностей, мы решили, что это должен быть не реестр самих объектов авторского права и смежных прав, а это может быть реестр цифровых форм. Благо, что существует какое-то счетное число форм, которые могут обращаться в Интернете. Этот реестр должен быть публичным и, кроме того, он не может быть национальным: он должен быть международным, но строиться из национальных отраслевых реестров. Вот Андрей Викторович неоднократно говорил, что национальные российские библиотеки, в частности Российская государственная библиотека, вполне могут начать

выполнять эту функцию. Такой пилотный проект мы бы хотели начать уже в ближайшее время — просто чтобы посмотреть, как это работает. И, наконец, главное: создав такой инструмент, государство или государства совместно дают автору в руки некое средство охраны своих интересов, и если автор не воспользуется этим инструментом, если он им пренебрегает, то это означает, что он безразлично относится к использованию своего произведения, и оно может обращаться в Интернете свободно. Пока, на сегодняшний день, идея такова. Пусть в самом дальнем приближении, но она представлена в качестве плода совместной работы наших министерств. Спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо большое. У нас осталось немного времени, поэтому я попрошу оставшихся спикеров (у нас четыре спикера) буквально кратко — путем реплик, может быть, — откликнуться на то, что сегодня было услышано. И я еще раз дам слово Мириам. И попрошу Бенуа Жинисти, который представляет Ассоциацию кинопродюсеров. Да, Мириам.

М. Сапиро:

Я хотела бы сказать большое спасибо Игорю и всем остальным. Я прошу прощения, мне пора идти. Но я буду следить за продолжением дискуссии через интернет-трансляцию. Я также хотела бы заметить, что общее мнение, которое здесь высказывается, состоит не столько в том, что следует изменить существующие правила, но и в том, что есть два фундаментальных принципа, с которыми мы все согласны, я думаю.

Первый — это защита прав интеллектуальной собственности как универсальной ценности в России, Соединенных Штатах и в любой другой стране. Второе: правообладатель, а не правительство или государственное ведомство, должен принимать решение о том, как принадлежащие ему

права (не случайно они называются «правами») передавать или распространять и как сделать их более доступными.

Еще раз благодарю вас за замечательную возможность выступить. Я надеюсь скоро снова вас всех увидеть и продолжить дискуссию.

Б. Жинисти:

Спасибо, Игорь. Прежде всего, я хотел бы поблагодарить всех вас за предоставленную возможность внести свой вклад в обсуждение того, как сделать Интернет полезным для экономики и общества во всем мире. Международная федерация ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF) объединяет мировое сообщество кинопродюсеров, работающих на пяти континентах, в том числе в России, где нас представляет Российская гильдия кинопродюсеров.

Первое, основное замечание — и я говорю, конечно, от лица мирового сообщества кинопродюсеров: мы рассматриваем Интернет с точки зрения новых возможностей распространения продукции и как историческую возможность для творческого сектора.

Интернет может дать огромные возможности, если мы сумеем решить важнейшие задачи, за которые уже взялись. Сегодня я предлагаю обсудить концепцию ответственности. Я думаю, важно помнить, как уже говорила госпожа Сапиро, что во время председательства Франции в Большой восьмерке огромное внимание было привлечено к концепции легального Интернета, который удовлетворял бы потребности граждан целым набором услуг, включая более легальный контент.

Большая восьмерка и при текущем председательстве признает, что Интернет стал фундаментальным аспектом жизни многих людей, особенно молодых. Из этого вытекает потребность и желание сделать Интернет цивилизованным пространством. По-французски говорят «espace civilisé», я надеюсь, что он перевод правильный — «цивилизованное пространство»,

как в физическом мире. Эта концепция была фактически поддержана главами государств на недавней встрече Большой восьмерки в Довиле.

Чтобы реализовать эту концепцию — именно об этом я сегодня хочу сказать — мы все должны взять на себя обязательства. Говоря «все», я имею в виду правообладателей, конечно. Я также имею в виду интернет-провайдеров и правительства стран мира.

Да, мы как производители контента должны найти способы доставить то, что мы создаем, потребителям теми способами, которые соответствуют их ожиданиям. Мы уже это делаем и будем продолжать. В нашей киноиндустрии мы многое сделали для внедрения новых систем, и еще продолжаем делать.

Нам придется все время быть открытыми для перемен, постоянно ставить под сомнение общепринятые точки зрения, экспериментировать и работать с теми, у кого есть новые идеи. В то же время, идеология «бесплатного» должна быть развенчана. Эта бизнес-модель не более рациональна для создателей и для тысяч людей, которые заняты творческой работой, чем для интернет-провайдеров и посредников.

В обществе очень немного товаров и услуг предоставляются бесплатно, а если они и предоставляются, то оплачиваются из других источников. Идеология «бесплатного» также искажает представление о том, что правильно и неправильно, в результате нанося вред обществу.

В течение многих лет наш контент высокого качества был движущей силой широкополосных интернет-услуг. Мы почти не получали денег, поскольку незаконный контент расширяет клиентскую базу и использование потребителями услуг широкополосной связи. Это своего рода захват, передача ресурса, или, если хотите, сбой рынка.

Эту ситуацию пора менять. Я чувствую, как все больше и больше стран, включая некоторые страны Большой восьмерки, каждая по-своему отвечают на призыв брать на себя обязательства. Конечно, я могу назвать Францию,

Испанию, США, Новую Зеландию, Южную Корею и так далее. Страны, осуществляющие меры воздействия на пользователей, стремятся обучать пользователей и изменять их поведение. Те, кто принимает меры против мошеннических сайтов, стремятся решить проблему со стороны поставщика.

Наконец, есть третий принцип. Я рассчитываю и надеюсь, что мы станем свидетелями применения эффективных мер, которые заставят посредников, например, поисковые системы, также принимать на себя обязательства, и, конечно, я приму к сведению все, что будет говорить господин Мецгер по этой теме.

Мы все должны играть по правилам общества. Интернет — не лицензия, разрешающая игнорировать нормы, установленные обществом. Никто не имеет права заявлять, что он вне или выше правил цивилизованного общества.

Когда я говорю об ответственности, я не имею в виду, что надо оспаривать юридические льготы, предоставленные провайдерам по закону, например, в Европейском Союзе или в Соединенных Штатах. Я имею в виду, что игроки и операторы просто должны нести ответственность за свои действия в Интернете точно так же, как и за его пределами. Именно так мы гарантируем соблюдение прав, свобод и верховенства закона в наших демократических странах.

Когда все это примут, — а я уверен, что это произойдет, — тогда Интернет полностью раскроет свой потенциал как движущая сила устойчивого роста. Я думаю, этого мы все и добиваемся.

Творческий сектор, который зависит от того, насколько четко и по-современному соблюдаются авторские права, очевидно, также внесет свой вклад в общее дело. Спасибо.

И. Дроздов:

У нас осталось время только для реплик. Я предоставляю слово Александру Маслову, заместителю Министра связи.

А. Маслов:

Спасибо, Игорь. Собственно говоря, позиция нашего министерства была отражена в выступлении Екатерины Чуковской, которая представила результат нашего совместного труда. Поэтому я хотел бы после выступления Бенуа, который упомянул о практике, расширяющейся в последнее время в ряде стран, об усилении ответственности пользователей, привести несколько интересных, с нашей точки зрения, цифр, которые как раз характеризуют позицию российских пользователей в отношении контента.

Были проведены исследования, в соответствии с которыми более 80% (точная цифра, с учетом всех погрешностей опроса — 81%) интернет-пользователей в России останутся приверженцами пиратского контента, несмотря на все известные опасности: и заражение вирусом на пиратском ресурсе, и вероятность преследования по закону, и технически низкое качество контента. Но есть и другая цифра из той же выборки: 83%, то есть на 2% больше опрошенных, не имеют ничего против рекламы в контенте. 76% опрошенных готовы оплачивать контент, если он становится доступным в течение месяца после проката на видео (имеется в виду видео-контент). То есть мы видим, что, несмотря на в целом позитивное отношение российских пользователей к пиратству, примерно то же количество их, что относится позитивно, готово участвовать своими деньгами в монетизации не через систему авторского права, не через традиционную систему, а, например, по рекламной модели. Это один вариант.

Другой вариант: если контент в электронном виде будет им доступен, если можно так выразиться, свежим, не через полгода, не через 10 лет после его выхода, а гораздо быстрее. Это, с нашей точки зрения, показывает, что

перспективы не такие плохие, и если будет встречное движение с нескольких сторон — со стороны законодателя, при адаптации законодательства к новым технологическим и экономическим условиям, при условии, что правообладатели будут создавать условия для того, чтобы делать контент более доступным в новой среде и использовать новые бизнес-модели монетизации контента — возможно, при таком встречном движении ситуация может существенно улучшиться. Спасибо.

И. Дроздов:

Тим, буквально одна минута.

Т. Реннер:

Фантастика. Позвольте, я воспользуюсь моментом и скажу, что законная защита интеллектуальной собственности в Интернете — это иллюзия.

Если вы сосредоточитесь на этом аспекте, вы, скорее всего, проиграете. Ключевой момент — в том, чтобы сделать предложение. Ключевой момент — в том, чтобы признать, что продюсеры в значительной степени утратили контроль.

Я работаю в музыкальной индустрии, в компании Universal Music в Германии. Мы обычно контролировали пакет услуг при продаже песен. Мы продавали вам 10–12 песен в виде альбома, а вы хотели купить только три или четыре, и это изменил Интернет.

Мы делали так, чтобы вы слушали песни по радио. Мы заставляли вас читать о новых выпущенных альбомах в прессе, а только спустя недели или месяцы после этого мы выпускали записи, потому что мы формировали спрос заранее.

Контроль над сроками утрачен. Он также утрачен для киноиндустрии, для модели четырех этапов. Мы должны признать, что происходят перемены.

Мы должны внедрять новые системы, такие как Spotify, где можно все получить в тот момент, когда продукт появляется на рынке.

Дело не столько в том, чтобы призывать страны исполнять законы. Нам нужны законы, чтобы затруднить пиратство, но они никогда не будут его полностью контролировать. Пираты переедут в Тонгу или еще куда-нибудь, и я не знаю, захочет ли Мириам Сапиро послать туда отряд военных кораблей, чтобы прекратить размещение пиратских сайтов.

Мы должны признать, что пираты всегда найдут себе ниши. Мы должны сосредоточиться на том, чтобы предлагать людям что-то действительно интересное. Не нужно забывать, что если вы посмотрите сайты торрентов или Kazaa, или другие предложения, то вы увидите, что даже пираты оказывают дополнительные платные услуги. Они часто предлагают платный улучшенный доступ или что-то подобное.

И люди платят за контент, если это связано с удобством. Чтобы закончить на позитиве: у нас пять «айпадов» на столе. Вы, ребята, заплатили в пять раз больше только ради имиджа и удобства. То же самое мы должны сделать с контентом. Спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо. У нас присутствует продюсер и музыкальный критик Питер Дженнер. Хочу предоставить ему слово.

П. Дженнер:

Я собираюсь во многом повторить то, что сказал Тим. За последние 45 лет я зарабатывал на жизнь косвенно на интеллектуальной собственности, поэтому я в нее верю.

Я думаю, мы должны найти способы, соответствующие поведению потребителей, поведению конечного пользователя, и я думаю, мы должны признать, что нам нужно найти механизмы, которые работают в условиях

использования Интернета, а не противодействуют ему. Поэтому я присоединяюсь к тому, что сказал Тим: контроля больше нет.

Я считаю, нам следует думать в направлении вознаграждения — получения оплаты, а не контроля. Вполне возможно, что мы найдем косвенные способы получения оплаты либо через модель абонентской платы, либо через рекламу, либо через их сочетание.

Кроме того, я думаю о сегментации рынка. Существуют разные степени увлеченности музыкой или любым другим конкретным контентом. Некоторые люди хотят получить просто шумовой фон, и они не будут много платить. А есть те, кто любит конкретного исполнителя, и они заплатят много денег.

Я думаю, что нужно более тонко подходить к ценообразованию в Интернете и к тому, что мы можем предложить людям. Мне кажется, что мы не сможем остановить пиратство, поэтому мы должны конкурировать с тем, что предоставляется бесплатно или кажется бесплатным.

Я думаю, вот ключевой вопрос: как сделать оплату незаметной, чтобы вы не осознавали, что платите? В Англии мы делаем это при лицензировании трансляций и через рекламные услуги.

Это все механизмы, создающие ощущение, что сервис бесплатный. Мы платим за интернет-соединение. Мы платим за электричество. Мы платим за все, что скрыто от глаз. Мы платим за рекламу. Почему бы нам также не платить за контент?

Я бы даже предложил, чтобы стандартная плата за Интернет была в два раза выше, чем сейчас: тогда вторую половину можно использовать для оплаты всего контента, потому что мы можем видеть, что используется. Можно анализировать контент в Интернете, и для этого не обязательно знать, что каждый человек смотрит, читает или слушает. Можно анализировать трафик. Таким образом можно повышать доходность.

Я думаю, что для решения проблем XXI века нужны новаторские решения XXI века. Если нам нужен новый творческий продукт, мы должны найти такой способ, чтобы авторы получали оплату за творчество. Очень важно, чтобы деньги доходили до авторов в максимальном объеме и как можно более эффективно.

Сейчас в качестве успешной модели приводят в пример Spotify. Я бы усомнился в этом. В Англии мы не видим, чтобы деньги доходили до авторов. Куда идут деньги? Куда поступают деньги от Spotify? Возможно, Spotify обеспечивает большие доходы, но авторы их не получают, деньги не доходят до них, и я не знаю, где они скапливаются. Кому принадлежит Spotify? Частично звукозаписывающим компаниям. Какие сделки они заключают? Мы не знаем.

В Интернете везде существуют секреты, которые отрицательно влияют на его законность. Когда вы разными способами нарушаете закон, как это происходило на Западе, то вы разрушаете нравственное чувство обычного потребителя.

Если вы не чувствуете, что заплаченные вами деньги поступают тем людям, которые должны их получать, то вы платите очень неохотно. Или если вы понимаете, что деньги поступают тем людям, которым вы не хотели бы платить. Я хочу, чтобы мои деньги получила компания Sony, или я хочу, чтобы их получил автор? Я хочу, чтобы их получил автор. Очень важно, чтобы цепочка законности была видна и продумана.

Наконец, я хотел бы сказать самое важное: мы разрабатываем реестры контента, потому что, что бы ни случилось, как бы мы ни взимали плату, мы должны знать, что люди используют, куда заходят. Мы должны иметь возможность это знать. Абсолютно необходимы какие-то формы регистрации контента, как на национальном, так и на международном уровне.

Теперь в качестве советника Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) хочу сказать вот что: в нашей организации говорят о том, чтобы попробовать создать международный музыкальный реестр, чтобы мы могли в реальности видеть, какую музыку слушают люди в мире. Так ее легче будет искать и платить за нее. Спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо большое, Питер. Я предоставлю слово Артемию. Сегодня такие разные точки зрения были представлены. Что Вашей душе ближе, поделитесь с нами.

А. Троицкий:

Доброе утро. Да, были представлены разные точки зрения, включая очень либеральные. Не была представлена анархистская точка зрения, и я с удовольствием восполню этот пробел. Интеллектуальная собственность... само это понятие стремительно уходит в прошлое, и это словосочетание становится оксюмороном. Все, что создано творческим гением и интеллектом человека, должно быть общественным достоянием. Public domain.

И. Дроздов:

Нет перевода. Перевод включите, пожалуйста,

А. Троицкий:

Я думаю, это шокирует некоторых из наших иностранных гостей, так что можно и не переводить. Ни в коем случае нельзя ставить знак тождества между авторами и правообладателями. Авторы — это великие люди, это творцы, которые движут вперед человеческую культуру, человеческую цивилизацию, науку и так далее. Правообладатели, которые, как правило,

не являются авторами, только зарабатывают на этом деньги. Их мотивация — это доход. Эта мотивация легко может быть исключена ради интересов человечества. Говорить о том, что без материальных стимулов все остановится, без инвестиций ничего не будет — это демагогия и лукавство. Талантливый музыкант не станет молчать, он все равно будет писать хорошую музыку. Талантливый ученый не будет засыпать у себя там где-нибудь на чердаке, не работать, не делать изобретений: ему это нужно. Человечество будет идти вперед в любом случае. И чем доступнее будут достижения для всех — интеллектуальные, творческие достижения человечества — тем будет лучше для всего нашего маленького человечества, которое сейчас находится в довольно тяжелом состоянии, стоит перед лицом огромного количества вызовов, с которыми мы сможем справиться только в том случае, если переломим стремление к алчности и выработаем в себе стремление к солидарности и доброй воле. Я помню, одной из моих пластинок в детстве была пластинка под названием Five million Elvis fans can't be wrong — «Пять миллионов фанатов Элвиса не могут ошибаться». Вот точно так же я могу сказать, что три или четыре миллиарда юзеров Интернета не могут ошибаться. Ошибаются 100 тысяч бизнесменов и их лоббистов. Дело времени, причем очень недолгого времени, прежде чем эта ошибка будет окончательно устранена. Спасибо.

И. Дроздов:

Спасибо, Артемий. Я думаю, на такой ноте, мне кажется, мы удачно завершаем наш круглый стол. Спасибо всем, кто принял здесь участие. Спасибо.